

лучше сказать, источниковъ своего творчества». Г. Спасовичъ считаетъ лучшими произведеніями Пушкина «Цыганъ», «Онѣгина» и «Бориса Годунова»,—произведенія, написанныя въ Александровскую эпоху. «Къ Николаевскому періоду принадлежатъ хотя и артистически-превосходныя, мастерскія, но такія, къ которымъ публика стала постепенно охладѣвать, не давая себѣ въ томъ отчета». «Онъ удалялся въ холодную область чистаго искусства и пріохочивалъ радоваться и плясать, когда надъ Россіею простирались исполинскимъ навѣсомъ густыя вѣтви дерева «Анчара»... Поэзія есть функція народнаго творчества въ наивысшей степени социальная... Коль-скоро Пушкинъ способенъ былъ только выдѣлять изъ себя одну жизнерадостность, то понятно, что въ данное время публика могла-бы предпочесть ему другой талантъ, даже и менѣе гибкій и разнообразный». По мнѣнію г. Спасовича, настоящимъ великимъ поэтомъ Николаевской эпохи былъ Лермонтовъ: «его мятежность и могучая мужественная скорбь больше подходили къ тому времени, болѣе помогали обществу переживать тяжелый и жестокий вѣкъ, нежели поэзія Пушкина». Въ словахъ г. Спасовича есть извѣстная правда, но они звучатъ слишкомъ суровымъ приговоромъ надъ Пушкинымъ. Въ Александровскую эпоху поэтъ былъ гонимъ—и независимъ; позднѣе ему покровительствовали, и это стѣсняло его свободу. Но это была драма его личной жизни. Литературная дѣятельность для него была ограничена тѣми же рамками, что и для другихъ, и онъ не могъ сказать больше того, что сказалъ, а ретроградомъ онъ не былъ. Часть общества охладѣла къ нему, но именно та часть, къ которой принадлежалъ Булгаринъ, кричавшій о паденіи его таланта, а все, что было въ то время передового и талантливаго, группировалось около Пушкина, и смерть его была горемъ лучшей части русскаго общества.

Выдержки изъ переписки гр. А. К. Толстого въ июньской книжкѣ «Вѣстника Европы» относятся къ тому времени, когда поэтъ, живя за границей, читалъ знакомымъ свою первую трагедію «Смерть Іоанна Грознаго», которая вскорѣ была поставлена на веймарской сценѣ. Письма наполнены отзывами высокопоставленныхъ и невысокопоставленныхъ друзей автора объ этой пьесѣ. Въ

чтеніи самого автора трагедія производила повидимому сильное впечатлѣніе. «Императрица (Марія Александровна), à la lettre, и краснѣла, и блѣднѣла, и уже такъ хвалила, и во время чтенія, и послѣ, что я былъ очень, очень радъ». Костомаровъ былъ въ восторгѣ отъ трагедіи и говорилъ, «что онъ, по крайней мѣрѣ, десять разъ прочелъ ее съ новымъ восхищеніемъ». «Сейчасъ я обѣдалъ съ Гончаровымъ и Боткинымъ, пишетъ гр. А. Толстой. Они немножко поссорились за выборъ кушанья, поспорили, погорячились и успокоились. Ужъ что они оба говорятъ про «Смерть Іоанна», и про то, какъ ее ожидаютъ на сценѣ, и что я назначенъ сдѣлать перерожденіе сцены и пр. и пр.». По словамъ одной знакомой автора, въ Веймарѣ всѣ были въ восторгѣ отъ чтенія «Ивана» и сказали, что въ новой нѣмецкой литературѣ ничего нѣтъ, что можно было бы сравнить съ этою трагедіей. «А сегодня у меня новый триумфъ, пишетъ въ другомъ письмѣ авторъ. Я прочелъ три акта Іоанна двумъ священникамъ и одной попадѣ, и старый такъ добродушно наслаждался, что я не жалѣю, что читалъ. Онъ главнымъ образомъ оцѣнилъ сжатость и живописную правдивость. И когда я прочелъ сцену съ Гарабурдой, онъ началъ танцовать на стулѣ и хлопать руками... Другой тоже танцевалъ, но меньше... Они оба малороссы, и старый мнѣ сказалъ:—Это вы мнѣ такое удовольствіе доставили, что на всю жизнь». Все это столько же говоритъ о самой пьесѣ, сколько, если еще не болѣе, рисуется психологію слушателей и самого автора, переживающаго первыя минуты успѣха и торжества. Въ устныхъ отзывахъ друзей и знакомыхъ значеніе произведенія писателя часто нѣсколько преувеличивается, и послѣ такихъ отзывовъ ему тѣмъ болѣе читать непріязненную печатную критику. «Я читалъ критику на «Смерть Івана Грознаго», пишетъ поэтъ. Ее написалъ Анненковъ. Онъ боится и похвалить, и осудить, и все оговаривается, и ничего не говоритъ. Онъ не знаетъ и азбуки эстетики, и никогда, какъ видно, ничего объ эстетикѣ не читалъ...» Въ другомъ письмѣ: «Анненковъ говоритъ, что у меня стихъ въ народныхъ сценахъ блѣдный и слабый. Видно, что у него братъ былъ оберъ-полищмейстеромъ, и критика его написана чухонскимъ языкомъ; на каждомъ шагу ошибки противъ синтаксиса и грамматики, котурнъ онъ называетъ котурною, и что

драма возникла изъ поучительныхъ цѣлей!..» Но въ той же серіи писемъ, рѣчь идетъ и о другихъ предметахъ, и тутъ на каждомъ шагу авторъ блещетъ остроуміемъ, или оригинальностью мысли. «Въ Веймарѣ есть бюстъ Гете, сдѣланный французскимъ скульпторомъ, который никогда его не видалъ, и который его послалъ ему съ письмомъ, говоря, что онъ воображаетъ себѣ его такимъ, и бюстъ этотъ не дурень и довольно похожъ... Это входитъ въ мою теорію насчетъ переводовъ, такъ-какъ я увѣряю, что нужно переводить *enпечатлннне офинала*, и потому нѣкоторые переводы могутъ передать лучше мысль поэта, чѣмъ онъ самъ сдѣлалъ... Бюстъ Гомера въ Неаполѣ навѣрно болѣе похожъ на него, чѣмъ его собственное лицо, если, какъ я надѣюсь, онъ существовалъ...» «Я дорогой все читалъ *Parerga* и *Paralipomena*, и не только все понялъ, но даже все это зналъ прежде, чѣмъ прочелъ. Собственнымъ умомъ дошелъ. Особенно то, гдѣ говорится *über eine andere Art von Sein*, т.-е. что если и уничтожится индивидуальность, то о ней нечего тужить: это все равно какъ еслибы выздоровѣвшій хромою тужилъ о костыляхъ. Индивидуальность—это только ограниченная *Art von Sein*. Она даже и не пропадетъ въ томъ смыслѣ, какъ 1, 2 и 3 не пропадутъ, если ихъ вставить въ 10...» Между прочимъ, говоря о романѣ «Марево», гр. А. К. Толстой позволяетъ себѣ маленькую пародію дамской манеры въ беллетристикѣ, по странному совпадению почти сходясь въ подборѣ выраженій съ Тургеневымъ въ такой-же его шуткѣ: «Здравствуйте, почесался Николай Ивановичъ.—Нѣтъ, этому не бывать! уф-халь Петръ Даниловичъ.—Желалъ-бы видѣть васъ на моемъ мѣстѣ! женился Пудъ Савичъ, и т. д.»

Въ «Русскомъ Обозрѣніи» печатается рядъ замѣтокъ г. А. Филиппова о московскомъ и вообще русскомъ студенчествѣ. Въ замѣткахъ отведено немало мѣста описанію такъ-называемыхъ землячествъ и предлагаются мѣры къ устраненію постороннихъ вліяній на студентовъ. Взглядъ автора на современное студенчество характеризуется слѣдующими его словами: «Оторванные отъ семействъ, обращающіеся исключительно въ своей студенческой средѣ, дѣля время между учебными занятіями, болѣе или менѣе напрягающими всю нервную систему, и незрѣлыми товарищескими бесѣдами, поглощая массу литературной пищи